

Глава II

Что такое отбор?

Я слишком молод, чтобы помнить оригинальную версию Jeopardy!, которую на канале NBC вел Арт Флеминг с 1964 по самый конец 1974 года — года моего рождения. Как гласит легенда, в 1963-м Мерв Гриффин со своей тогдашней женой Джуланн летели домой из Нью-Йорка, когда Джуланн предложила перевернуть с ног на голову привычный концепт квиз-шоу: ведущий будет давать ответы, а игрокам придется придумывать к этим ответам подходящие вопросы.

«Пять тысяч двести восемьдесят», — объявила Джуланн мужу.

«Сколько футов в одной миле?» — ответил Мерв, которой уже тогда был неплохо подкован в тривии.

Так родилось шоу.

Следующие несколько месяцев Гриффины провели в своем особняке в Верхнем Вестсайте, играя с друзьями за обеденным столом в игру «Каков вопрос?» — так они первоначально называли новую забаву.

Когда Мерв в конце концов устроил презентацию для NBC в зале Рокфеллер-центра, редакторы посчитали, что вопросы и ответы слишком сложны, но продюсер по имени Грант Тинкер (в будущем президент NBC и супруг Мэри Тайлер Мур) заявил, что шоу станет настоящим хитом.

До этого момента на протяжении почти десятка лет игровые шоу никак не могли оправиться от знаменитых мошеннических скандалов 1950-х годов, связанных с подтасовкой результатов таких «телемонстров», как «Двадцать одно» и «Вопрос на \$64 тысячи». Но многолетний

успех Jeopardy! помог реабилитировать подмоченный ранее жанр, и когда шоу в 1984-м возродилось в прежнем формате, но с новым ведущим, неподражаемым уроженцем Онтарио Алексом Требеком, оно вновь моментально стало хитом.

С тех пор прошло еще два десятка лет. Jeopardy! — все еще самая рейтинговая в США телевизионная викторина. Она стала частью популярной культуры, и даже больше — современного американского духа. «Чувак, ты такой умный, иди играть в Jeopardy!» — такое не услышишь в адрес никакого другого интеллектуального шоу. В год возвращения Jeopardy! в эфир «Странный Эл» Янкович выпустил пародийную песню I lost on Jeopardy! о своем позорном проигрыше, во время которого диктор Дон Пардо своим знаменитым закадровым голосом назвал его «законченным неудачником». В фильме 1992 года «Белые люди не умеют прыгать» Роза Перес исполняет заветную мечту всей жизни, попав в Jeopardy! и оставив с носом соперников на теме «Еда на букву Q», в которой она взяла все пять вопросов — от «пирога из заварного крема с беконом и сыром»¹ до «большого съедобного моллюска, обитающего на Атлантическом побережье»². Дастин Хоффман в роли главного героя «Человека дождя» *определенно* отказывается пропустить свою 35-минутную дозу Jeopardy!. А в «Дне сурка» Билл Мюррей, сходя с ума от скуки бесконечно повторяющегося дня, снова и снова смотрит один и тот же выпуск Jeopardy!, пока не выучивает наизусть все вопросы и ответы, шокируя тетушек в гостинице.

Успех Jeopardy! нашел отражение в самых разных телешоу. Клифф Клейвин, всезнающий почтальон из сериала Cheers, должен был сорвать в Jeopardy! большой куш, когда темы на его игре оказались будто специально под него написаны: «Госслужащие», «Марки со всего света», «Пиво», «Матери и сыновья», «Тривия в пабах» и «Безбрачие». Однако он проиграл, сделав слишком большую ставку в финальном раунде. В ответ на вопрос: «Именно по этой причине мы знаем Арчибальда Лича, Бернарда Шварца и Люсиль Фэй Лесюр»³ он предположил: «Какие три человека никогда не были у меня на кухне?» На некоторое время эпизод «На Jeopardy!» стал таким же обязательным ситкомовским штампом, как, например, «Застрявшие в лифте» или «Два свидания с раз-

ными девушками за один вечер». В те благословенные дни в гостях у Jeopardy! побывала и Мардж Симпсон, и главная героиня «Моей прекрасной няни» Роза, и Дороти из The Golden Girls, и Тельма из Mama's Family. Упомянутую серию ситкома Mama's Family я ради такого случая даже посмотрел. До этого я, как и любой другой нормальный человек в Америке, не видел целиком ни одной.

Во всех упоминаниях и обращениях к Jeopardy! в поп-культуре есть одна общая деталь — они относятся к одному и тому же периоду длиной примерно в 15 лет. (По трагическому совпадению, даже Mama's Family прекратила выходить в 1990-м.) И этого следовало ожидать: в поздние 1980-е и ранние 1990-е Jeopardy! находилась на пике своей славы. Дело не в том, что с тех пор шоу стало ухудшаться. Как раз наоборот: оно застыло в совершенной неизменности, в то время как сотни других программ приходили и уходили, а весь актерский состав сериала «Закон и порядок» сменился дважды. Люди стали считать свою жизнь по годам Jeopardy!. Это уже больше, чем просто программа. Это общественный институт.

Десять с лишним миллионов преданных зрителей привыкли смотреть шоу вечер за вечером, ни одного не пропуская. Со своим устоявшимся, повторяющимся форматом Jeopardy!, возможно, наименее яркое шоу на телевидении, и зрители не ожидают от него особой феерии или сюрпризов. И уж, конечно, смотрят программу не из-за игроков или ведущего, который — при всей моей любви — кажется, ведет отчаянную борьбу за звание самого «нехаризматичного» телешоумена.

Нет, постоянные зрители смотрят программу ради тривии. Они — точнее, мы, чего уж там, ведь я большую часть жизни сам был ее фанатом — уверенно отвечают на вопросы, сидя перед телевизором. После каждого вопроса, взятого на уютном диване, мы чувствуем себя умнее, при этом щадим свое самолюбие, не обращая внимания на свои неправильные ответы. Недолгое, но законное ощущение гордости за правильный ответ на вопрос объясняет всю любовь человека к тривии. Мы обожаем выброс эндорфина, ощущение «Какой же я умный!», которое появляется после непонятно откуда неожиданно пришедшего в голову ответа на вопрос.

Среди этих вечерних зрителей есть дети, студенты вузов, смышленные молодые профессионалы, а также граждане почтенного возраста — я бы даже сказал, особенно граждане почтенного возраста. Jeopardy!, невозмутимо и регулярно включающая в игру темы сугубо для знатоков-эрудитов, как, к примеру, «Балет», «Ядерная физика» или «История искусств», — это последний рудимент иной Америки, очага светлого разума, где наука могла решить все проблемы и помочь нам оставить позади Russkies, где высокая культура свободно проникала в сознание обывателя. Для дедушек, ностальгирующих по времени, когда все слушали по радио Тосканини, и обреченных сегодня смотреть по ящику на людей, выигрывающих деньги за прыжки с тарзанкой или поедание козлиных кишок, Jeopardy! — это машина времени, ненадолго переносящая их в эру Эйзенхауэра, сладкая пилюля из прошлого века, когда Америка еще не окончательно отупела.

«Ты выглядишь несколько нервно», — говорю я Эрлу. Прошел месяц с того момента, как я затащил его на отбор в шоу, и мы, медленно продираясь сквозь вялую пробку, держим путь к отелю «Калвер-Сити», где сегодня и будут определены соискатели. Мы прибыли в Лос-Анджелес поздно вечером накануне и провели несколько часов без отдыха в гостинной квартиры старого школьного приятеля Эрла в районе Студио-сити. Приятель одновременно оказался и его партнером по команде дебатов. За последние 12 часов я узнал о хитросплетениях студенческих университетских дебатов больше, чем когда-либо хотел знать. Вывод: ребята, вы могли бы найти еще хоть какую-нибудь тему для разговора за ужином!

«Да, я нервничаю», — подтверждает Эрл.

«Боишься, что не пройдешь?»

«Ага, — говорит Эрл. — Задай мне, пожалуйста, оставшиеся естественно-научные вопросы».

Я открываю «Как попасть в Jeopardy! ...и победить!» — теперь уже измятую и потрепанную тень себя прежней. На пути в Калифорнию мы по очереди с головой погружались в ее страницы, дабы спастись от укачивания. В последние пять минут поездки мы успели выучить самую длинную мышцу человеческого тела⁴, музыкальный термин,

по-итальянски означающий «отрывисто»⁵, и самое глубокое озеро в Соединенных Штатах⁶.

«Открыл пенициллин».

«Мимо. Погоди. Александр Флеминг».

«Верно! Открыл нейтрон».

«Джеймс Чедвик».

«Да. Открыл Уран».

«Ой... Ты сказал: "Уран"».

«Верно. Также мы бы приняли у вас ответ: "Кто такой Уильям Гершель?"»

«Эй, смотри, здесь можно припарковаться. Нам не придется платить десять баксов за подземную стоянку в отеле».

«Отлично. Прижимайся к тротуару и прогони-ка меня еще разок по оперным вопросам».

Телефонный звонок в Jeopardy! три недели назад определил нас в список на десятичасовое тестирование. Мы приехали на полчаса раньше одними из первых и теперь были вынуждены слоняться между пальмами и фортепианной музыкой Эндрю Ллойда Уэббера в холле «Калвер-Сити Рэдиссон». Не желая выглядеть дураками, я заставил Эрла спрятать заветную книгу, однако беспокойство мое оказалось напрасным: вскоре в холл ровным потоком потянулись люди — все они сжимали в руках издания, подобные нашему.

В назначенное время нас, всего около 75 человек, запускают в конференц-зал, где вот-вот начнется тестирование.

Пол в зале покрыт пышным бордовым ковром, на котором десятками рядов расставлены складные стулья. Эрл и я садимся через несколько рядов друг от друга на два оставшихся свободных места. Любопытство заставляет меня вытянуть шею, чтобы получше рассмотреть присутствующих. Здесь много белых мужчин среднего возраста, составляющих ядро игроков в Jeopardy!, но в целом помещение демографически отражает Америку. Я сижу справа и чуть спереди от чернокожей женщины, которая читала книгу Jeopardy! в холле. Она олицетворяет собой одновременно гендерное и национальное меньшинство среди собравшихся. У всех умные лица: очки для чтения, козлиные бородки,

экземпляры журнала The Economist и твидовые пиджаки с модными заплатами на локтях. Я чувствую легкое волнение, как актер перед выходом на сцену. Смогу ли я что-либо противопоставить твидовым пиджакам с заплатами?

Из нашей книжки мы с Эрлом узнали, что сегодняшний письменный тест — лишь первое наше испытание. Все получают на руки материалы заданий вместе с фирменной ручкой Jeopardy!, которая для многих из нас станет единственной наградой за предпринятую попытку. Очень немногие пройдут тест, составленный из 50 специально отобранных сложных вопросов из числа ранее отыгранных в телепередаче. Координаторы конкурса приветствуют нас и спрашивают, участвовал ли кто-либо в игровых передачах раньше (обозначилось несколько ветеранов «Миллионера» и один парень, который играл однажды в The Match Game) или пробовал ли ранее свои силы в Jeopardy!. Таких много. «Девять раз, и я всегда проходил», — заявляет один парень. Девять раз? Я стреляю глазами в Эрла. Я знаю, что даже при успешном прохождении теста вероятность итогового попадания на съемки ничтожно мала, но *девять раз*? Без паники. Просто, может, тому парню не повезло, он решительно не тот, кто им нужен?

Вопросы проецируются на экран в передней части зала. Они набраны белым шрифтом на голубом фоне, как и в самом шоу (знатокам полиграфии сообщу, что гарнитура называется «Коринна»). Сладкозвучным голосом (записанным заранее) их читает диктор шоу Джонни Гилберт. У потенциальных участников есть всего восемь секунд на размышление, прежде чем голос Джонни начинает задавать следующий вопрос. Вы записываете ответы на розданных листах и... нет-нет, администратор объясняет, что не нужно давать ответ в вопросительной форме.

В начале теста я немного волнуюсь — не могу вспомнить, кто сменил Сэнди Бергера на посту советника президента США по национальной безопасности, и оставляю строку для ответа на самый первый вопрос пустой. Но затем идет порядка десятка вопросов, ответы на которые я выдам, хоть разбуди посреди ночи: Сальвадор Дали! Индуизм! Джон Уилкс Бут! «Венецианский купец»! Я начал расслабляться, и тут первый ответ неожиданно сам собой пришел мне в голову. Элементарно,

Ватсон! Я бью себя по лбу и быстро вписываю в пропущенную мной пустую строчку: «Кондолиза Райс».

Я всегда получал какое-то извращенное удовольствие от тестов. Запах стружки хорошо отточенного карандаша, возможность написать свое имя с помощью заштрихованных квадратиков, которые впоследствии будут автоматически обработаны компьютером, набор хитро сформулированных задачек, ждущих моего решения... В школе за подобные признания рискуешь быть битым, однако в глубине души я всегда получал некий кайф от аттестационных тестов. Тест Jeopardy! вернул мне былые ощущения, больше того, усилил их, ведь все вопросы здесь были из разряда тривии. Какой человеческий орган состоит из нефронов?⁷ Как зовут мать Исаака — женщину, наиболее часто упоминаемую в Библии?⁸ Как зовут испанца, супруга Мелани Гриффит?⁹

Испытание подходит к концу, я понимаю, что ответил не на все вопросы. Осталась незаполненной строка с именем молодой певицы стиля кантри, еще одна, с самой быстрой птицей из семейства соколиных; и я почти уверен, что перепутал Мишель Кван с Кристи Ямагучи. Однако я знаю, что проходной балл дает обычно право на несколько ошибок. Хотя каков в точности этот балл, где проходит «линия отреза», Jeopardy! никогда не сообщает. Координаторы конкурса просто объявляют всем, кто не прошел, что они могут возвращаться домой и сообщить друзьям, что упустили свой шанс.

После сдачи листов со всех сторон доносится жужжание с правильными ответами, которые я не дал (Лиэнн Раймс! Сапсан! Кристи, чтоб ее... Ямагучи). Моя уверенность немного поколеблена. У Эрла те же проблемы. Он сидит рядом с каким-то парнем, по виду студентом, судя по всему, самоуверенным и несносным типом. Он из тех, кто говорит без умолку с любым человеком, которого постигло несчастье оказаться на соседних с ним креслах в самолете, даже если этот несчастный пытается читать.

«Я совершенно уверен, я сделал это, — бубнит он. — После того как я взял тот вопрос про Оливера Твиста...»

«Ты имеешь в виду “Большие надежды”?» — переспрашивает Эрл.

«Что?»

«Ну, там же шла речь про Пипа и Мэгвича. Я совершенно уверен, что это “Большие надежды”».

«Ох. Да, правильно. Конечно, “Большие надежды”». — На время он затихает.

Пока сотрудники Jeopardy! проверяют тесты, двое координаторов конкурса развлекают возбужденную аудиторию ответами на вопросы. Мы с Эрлом понимаем, что если ты не смотрел каждую передачу со времен первого ведущего Арта Флеминга до вчерашнего вечера, то ты лишний на этом празднике жизни. Народ обменивается намеками и шутками о подробностях, связанных с Jeopardy!, о которых я в жизни не слышал, не говоря о каких-то незнакомых мне новшествах в шоу. Алекс сбрил усы? Появился какой-то Brain Bus и Clue Crew? Это что — Jeopardy! или «Санта-Барбара»? Мы с Эрлом нервно посмеиваемся, видя, как остальные хохочут, перекидываясь многозначительными взглядами, а внутренне готовы разорвать себя за все то время, которое, как дураки, потратили на учебу в университете, вместо того чтобы смотреть Jeopardy!.

Проверяющие возвращаются в конференц-зал, и все мгновенно замолкают. Они передают результаты координаторам конкурса, напряжение нарастает. Все пытаются изобразить беспечность, но колени нервно трясутся, а ноги ходят ходуном. В 12-й раз нам напоминают, что мы большие молодцы уже потому, что решились приехать, мы доказали себе все, что нужно, ничего страшного, если мы не прошли, через год у нас будет возможность повторить попытку. Да-да-да, читайте же уже список!

Вся моя уверенность внезапно улетучилась: теперь я убежден, что провалил тестирование. О чем я думал, когда решался на эту безумную 12-часовую поездку?

Но вот оно: «Кен Дженнингс». Мое имя прочитали вторым. Сладостное облегчение. Конечно, я прошел. Я ни на секунду в этом не сомневался.

Я ожидал, что будет названо еще пять, в лучшем случае шесть имен, ведь проходной балл, похоже, не очень высок. Но пять, затем шесть имен прозвучали, а Эрла среди них не было. Вот уже девятiero прошед-

ших. Теперь десять. Эрл пытается сохранять спокойствие, но вытягивается вперед всем телом, как игрок, пытающийся перехватить мяч на линии схватки в регби. Его обыкновенно виноватое лицо выглядит теперь как искаженный снимок всех пяти номинантов на «Оскар» в момент вскрытия конверта. Мог ли он не пройти? В таком случае дорога домой превратится в ад.

«Эрл Кахил!» — звучит одиннадцатое имя, а вслед за ним двенадцатое, последнее. Я так яростно зааплодировал, что люди обернулись и уставились на меня.

«Поздравляю, Эрл!» — шепнула мне женщина, сидевшая наискосок от меня.

Двенадцать счастливиц выходят в переднюю часть зала, остальные скорбно топчутся позади. Оливер Твист, парень, который был «совершенно уверен, что сделал это», среди них, и я чувствую нечто большее, чем приступ жалости, когда вижу его лицо. Он выглядит, как ребенок, который упустил свой только что подаренный воздушный шарик.

Теперь мы должны заполнить нашими новыми блестящими ручками с логотипом Jeopardy! пространную анкету участника. В большинстве пунктов нужно отвечать «нет». Нет, я никак не связан с сотрудниками Sony Entertainment или с Алексом Требеком. Нет, я никогда не принимал участие в Jeopardy!. Нет, я никогда не избирался на государственные посты. Перед тем как заполнить графу «Род занятий», я на секунду замялся. Это мог бы быть хороший шанс отличиться. Неужели Jeopardy! станет нанимать команду частных сыщиков, чтобы вывести меня на чистую воду, если я напишу «ветеринар-психотерапевт» или «ученик чародея»? Честность возобладала, и я небрежным почерком вывожу «программист», с тоской представив себе на миг десятки тысяч подающих надежды молодых программистов, которые, возможно, пробовали свои силы в Jeopardy! за последнюю неделю.

Самым трудным оказывается вопрос, по какому каналу мы смотрим Jeopardy! у себя дома. Мы с Эрлом обмениваемся гримасами смущения, понимая, что Jeopardy! в конце концов поставила нас в тупик. Я пишу: «Ваш партнерский кабельный канал в Солт-Лейк-Сити», но не думаю, что мне удастся кого-то обмануть. Эрл не пишет ничего.

Еще в одном пункте требуется написать пять забавных фактов о себе. Если отборочный тест из 50 вопросов был похож на школьные аттестационные работы, то это уже университетское эссе. Наши пять фактов станут основой для маленького интервью, которое традиционно берет у участников Алекс перед началом игры. Если вы когда-либо видели эти натужные попытки «очеловечить» участников шоу, то знаете, насколько несмешными чаще всего бывают такие «забавные» факты. Хотя некоторым все же удастся рассказать неплохой анекдот или забавную историю. Согласитесь, это непросто сделать в первые десять минут на национальном телевидении. Благодаря нашей маленькой книжице мы с Эрлом знали об этом пункте, за время поездки пытались составить несколько анекдотов и... Даже имея 12 часов в запасе, мы были вынуждены немало помучиться. Представляю, насколько подобное требование может ошеломить человека, не предупрежденного заранее. «Запишите пять хорошо продуманных, наиболее удивительных вещей о себе! В одном предложении! Используйте чувство юмора! И уложите, пожалуйста, в несколько минут, пока мы не вернемся, чтобы вас сфотографировать!»

Координаторов программы зовут Мэгги Спик и Тони Пандольфо. Оба — совершенно невероятные типы, которые, по задумке Jeopardy!, должны впрыскивать адреналин в общество унылых, нервных ботаников, как те клоуны с воздушными шарами, которые пытаются оживить безнадежно испорченную вечеринку в честь десятилетия ребенка. Тони — бородатый лысеющий мужчина со сдержанным юмором, узнаваемым скрипучим голосом, как у актера Харви Фирстейна, и легким нью-йоркским акцентом. Он обожает игровые шоу и всю жизнь в них проработал. Кроме того, он и сам регулярно играет в покер с Бетти Уайт, вдовой Билла Калена — Энн, создателем телеигры Password Бобом Стюартом и другими корифеями телевизионных игр прошлых лет.

Мэгги Спик — это средних размеров сгусток энергии с голосом, похожим на сирену скорой помощи, и громким, нет, оглушительным смехом. Для Мэгги мы все — «милашки» и «красавчики». Она — постоянный источник полезных советов, тренерских указаний, смешных и несмешных шуток и смеха над своими собственными шутками

обоих типов. Короче говоря, она идеально умеет подстраиваться под личностные особенности скованных и нервных кандидатов в Jeopardy!.

Следующий тест — это тренировочная игра. Способность пройти очень сложный тест на тривию еще не говорит о телегеничности и общительности человека, которые от него требуются. Кто бы мог подумать! Итак, Тони и Мэгги делят нас на тройки, чтобы мы могли попрактиковаться с кнопками, выбирая и отвечая на настоящие вопросы из шоу.

Их не волнует, правильно мы отвечаем на вопросы или нет. (Если бы и в реальном шоу все было бы так же благобно!) Они лишь хотят проверить, способны ли мы улыбаться, громко говорить, быстро отвечать и вовремя нажимать на кнопку. В Jeopardy! все должно идти как по маслу, поэтому им нужны люди, которые будут играть как следует, чтобы уложиться в отведенные 22 минуты за вычетом рекламы. Темпо, темпо!

Кроме того, координаторы исполняют роль Алекса, проводя мини-интервью с каждым участником. В моем воображении нам с Эрлом предстояло конкурировать с кучкой эмоциональных калек, бледных книжных червей, которые и полфразы не могут сказать, не упомянув «клирика девятого уровня» или капитана Пикара. Я далек от телегеничности, но на фоне подобных персонажей выглядел бы как Кэри Грант!* Поэтому я был весьма обескуражен, обнаружив, что большинство из 12 финалистов — обаятельные, общительные люди с интересными историями. Один был вертолетчиком во Вьетнаме. Другой только что вернулся из Африки, где полгода копал колодцы. Единственным, кто не справился с заданием, был какой-то несчастный зануда.

«Тут написано, что вы любите читать!»

«Да».

«Ну, а другие интересы у вас есть?»

«Э-э... Я... только читаю. В основном читаю».

Я не особенно рассчитываю увидеть этого парня в шоу.

---

* Кэри Грант, настоящее имя Арчибалд Александр Лич (1904–1986) — англо-американский актер, известен главными ролями в бурлескных комедиях и фильмах Альфреда Хичкока. *Прим. ред.*

Мое интервью вышло довольно неубедительным, какая-то история про нашего малыша, которая вытянула из Мэгги долгое «А-аа-ааа-гаааа». Все-таки Америка любит младенцев! У Эрла, как мне кажется, вышло гораздо смешнее, и я думаю, даже в какой-то мере надеюсь, что он получит заветный Звонок с приглашением на съемки раньше меня. Но он зачем-то чуть не выпрыгивает из штанов после неправильного ответа на киношный вопрос во время тренировочной игры. «Как можно не знать, кто сыграл питчера в “Дархэмских быках”!»¹⁰ Я же смотрел этот фильм 12 раз!» — шепчет он мне в отчаянии.

«Да все у тебя нормально. Интервью было смешное. А это главное».

Тони спрашивает, есть ли у кого-то вопросы. «Сколько можно ждать приглашения на съемки, находясь в обойме?» До года. «Что будет, если нас нет дома, когда вы позвонили, или когда за нами приехала машина, или еще что-то случилось?» Если мы захотим вас позвать, мы вас найдем, не беспокойтесь. «Могут ли дисквалифицировать игрока, скажем, из-за слишком высокого роста?» Этот вопрос задает Эрл. Его успокаивают, что они просто ставят более низких участников на специальные подставки, если один из тройки очень высок. Кажется, раньше пробовали ставить «великанов» в углубления, но они спотыкались и падали. Ответ весьма радует Эрла.

На этом все. Не звоните нам, мы сами вам позвоним. Мы покинули отель достаточно воодушевленные, но это совсем не то состояние восторга, когда хочется звонить всем подряд.

«Эй, можешь себе представить, я только что прошел отбор в Jeopardy!».

«Круто! И когда тебя можно будет увидеть на экране?»

«Ну, может, и никогда. Если меня возьмут, то через год или около того».

«Э-э... Да, круто».

Уже из машины я позвонил Минди, которая, услышав хорошие новости, аж взвизгнула от радости за нас обоих.

Эрл и я, измученные бессонной ночью за рулем, но слишком возбужденные, чтобы спать, проводим остаток дня, катаясь по Лос-Анджелесу.

Нормальные люди в таком случае посетили бы какие-нибудь достопримечательности, но вместо этого мы стараемся в точности восстановить в головах вопросы теста и посчитать наш результат. В итоге решаем, что каждый набрал что-то между 40 и 45 из 50, что вроде бы довольно неплохо. Решив все же отдать дань городу, мы отправляемся в парк Гриффит, чтобы Эрл мог сделать несколько фотографий, но дорога наверх к обсерватории оказывается перекрыта.

На следующий день мы снова едем через суровую пустыню Мохаве. Наше бурное путешествие подходит к концу, но теперь мы уже гордые патроны в обойме Jeopardy! и сидим с высоко поднятой головой.

«Ну как, теперь ты спокоен насчет своего результата?» — спрашиваю я Эрла.

«Конечно. Только debil мог не пройти тест. Твой пес Банджо не прошел бы. Он бы долго мял бумагу, но определенно бы провалился».

Я понимаю, о чем он. Я полностью готов к тому, что не дожусь звонка из Jeopardy!, и, конечно, не буду повторять попытку каждый год, чтобы с горечью заявить, как тот парень: «Девять раз!» Но все-таки круто один раз пройти этот тест!

Дома я постарался рассказать о своей поездке как можно меньшему числу знакомых. И все же пришлось не меньше 20 раз отвечать на один и тот же раздражающий вопрос: «Ну и когда же мы увидим тебя по телевизору?» Следующие несколько месяцев всякий раз, когда определитель высвечивал на телефоне междугородний номер, я надеялся, что это может быть Jeopardy!. Но так и не дождался. Минул почти год, и наш сын Дилан сначала сел, потом пополз, потом заговорил и, наконец, пошел. Вскоре я и думать забыл про Jeopardy!.

Ответы

- ¹ **Quiche** (Киш) — французский пирог из заварного крема с беконом и сыром.
- ² **Quahog** (Океанический венус, или *Arctica islandica*) — большой съедобный моллюск, обитающий на Атлантическом побережье.
- ³ Арчибальд Лич, Бернард Шварц и Люсиль Фэй Лесюр — это настоящие **имена Керри Гранта, Тони Кертиса и Джоан Кроуфорд** соответственно.
- ⁴ **Портняжная мышца**, расположенная на бедре, — самая длинная мышца человеческого тела.

- ⁵ **Стаккато** (Staccato) — музыкальный термин, по-итальянски означающий «отрывисто».
- ⁶ Орегонское **озеро Кратер** — самое глубокое озеро в Соединенных Штатах.
- ⁷ Из нефронов состоят **почки**.
- ⁸ Чаще других женщин в Библии упоминается мать Исаака, **Сара**.
- ⁹ Актер **Антонио Бандерас** — муж актрисы Мелани Гриффит.
- ¹⁰ **Тим Роббинс** сыграл питчера в «Дархэмских быках».